

существование представляет собой погруженную в das Man неразличенность онтологических возможностей, которая в конечном счете закрывает доступ не только для выяснения действительных оснований существования человека и определения самого этого существования исходя из несоответствующих предмету исследования онтологических категорий, но, как следствие, и для определения сущности принадлежащей сущему-Dasein метафизики. Существование человека — определяемое Хайдеггером как «забота» — должно быть поэтому схвачено как единство подлинных онтологических возможностей. Действительное существование должно быть понято как экзистенция. Понимающее раскрытие экзистенции как собственного существования человека полагается Хайдеггером в качестве совести.

Значимым моментом для понимания этого феномена оказывается тот факт, что совесть сама принадлежит структуре заботы как существования человека, и это определяет внутренний характер влияния совести на принятие решения в некоей ситуации.

Тем самым определена общая идея феноменологической логики толерантности: логика толерантности предполагает категориальное ограничение предметной области исследования, при котором становится видимым сам исследуемый феномен. Разумеется, речь не идет о том, что толерантность может быть описана только посредством онтологических предикатов сосуществования и совести. Толерантность является сложным синтетическим феноменом, что и определяет саму методологию исследования.

Д. В. Котелевский
Екатеринбург

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ПРЕДЕЛ СООБЩЕСТВА

Существующую ситуацию в области исследований толерантности можно определить как расплывчатость и неопределенность основных понятий. Количество публикаций и конференций лишь увеличивает эту неопределенность,

что обращает к необходимости методологического проявления и уточнения понятия «толерантность».

В первую очередь нужно отметить сложности определения толерантности, обнаруживаемые вопросом: «Должны ли мы быть толерантны к нетолерантности?» Крайним пределом данной ситуации определения толерантности является совпадение толерантности и нетолерантности и даже толерантности и войны. Фактически эти моменты существования и отношения войны и мира описаны многими философами. Детальный анализ их взглядов, раскрывая моменты тождества в их понимании войны и мира, дает даже основания для таких философов, как Деррида, говорить о существовании единой филополемологии для европейского строя знания в целом и таких мыслителей, как Гераклит, в частности. Вытекающий отсюда основной вопрос — это вопрос об отношении войны и мира для европейского бытия и европейской мысли: «Симметричны ли или асимметричны толерантность и насилие и далее — что создает эту ось симметрии, толерантность или насилие?»

Необходимо отметить, что взаимопринадлежность толерантности и насилия на сущностном уровне проявляется и на уровне эпифеноменальном, в том числе на теоретическом. В реальности данная ситуация чаще всего фиксируется в том, что толерантность стала объектом борьбы, войны за свои интересы различных групп и объединений. Толерантность стала ставкой при столкновении различных интересов.

Любое общество допускает неопределенность, и даже более того — неопределенность является условием бытия сообщества. Причину ее существования и ее необходимость можно обосновать с помощью образа «источника», «начала». Источник — место формирования и энергетического питания системы. Определить этот источник невозможно. Он, по сути, является «пустым местом» реального, в терминологии Ж. Лакана, и попытки его описания демонстрируют возникновение парадокса самоописания систем. Тот же Лакан говорит о том, что невозможно в одной и той же логике желать объект и описывать логику его существования. Таким образом, исток существования такой системы, как сообщество, неопишуем. Система сообщества нетождественна

венна, так как невозможно полное самозамыкание системы как в бытийственном плане, так и в гносеологическом при попытке самоописания. Онтологическая и гносеологическая невозможности в данном случае совпадают (гносеологическое описание является здесь не просто нарративом, но и перформативом — социальным актом, действием). Нетождественность сообщества и создает различие. Осуществляя попытку предельного самоописания, сообщество сталкивается с препятствиями, и эти препятствия фиксируются как различие системы сообщества.

Толерантность, таким образом, не есть реальность в виде чего-то содержательно определенного. Толерантность — феномен не столько содержания, сколько формы. Толерантность — невозможность самоописания системы, невозможность превращения ее в тотальный закон или формулу. Эта невозможность фиксируется не в виде обнаружения собственно такой невозможности, а в форме обнаружения содержательных элементов системы, препятствующих такому полному самоописанию. Толерантность, в результате, — невозможность определения истока, начала системы.

Толерантность — знак невозможности существования сообщества в качестве абсолютного, сообщества с совершенно «прозрачной» коммуникацией. Толерантность — знак невозможности сообщества, одновременно демонстрирующий его невозможность и вместе с тем создающий его, она — феномен формы, феномен «пустого места», являющегося основанием сообщества. Потому толерантность — предел сообщества, тот предел, который не может быть проговорен, толерантность — лишь идеал абсолютной коммуникации, идеал сообщества.

Особенность современного сообщества состоит в том, что понятие толерантности становится предметом, активно обсуждаемым, помещаемым в центр внимания сообщества. Парадокс заключается в том, что толерантность всегда уже находилась там, только это центральное место было неосознаваемым. Сообщество обсуждает собственную возможность или основания, где толерантность — невозможность, делающая сообщество возможным.

Еще одним свойством и парадоксом данной ситуации

является то, что сообщество имеет собственные пределы и основания не в качестве единичных. Сообщество обнаруживает свой предел в виде множества сообществ, каждое из которых имеет свои основания. Необходимо указать на то, что само сообщество имеет характер сложный, сложенный. Особенность его в том, что в него всегда уже вложено другое сообщество. Складывая другие сообщества в себе, сообщество формирует образ единичности своего присутствия. Однако такая единичность всегда иллюзорна, так как в самой себе содержит множество других сообществ. В результате этой сложности невозможно определить место предела сообщества, место его основания. Толерантность оказывается еще и потому неопределима, что она есть предел, на котором выявляется неопределенность сообщества как единственного или множественного. По сути, здесь толерантность и обнаруживает свой смысл — она то, что демонстрирует предел разрешимости единичного-множественного.

Очевидно тогда, что любая претензия на обнаружение подлинной толерантности имеет определенные следствия. Во-первых, в силу того, что толерантность не может быть определена в самом сообществе, языком самого сообщества, толерантность в такой ситуации будет экстерриторизована за пределы сообщества, что обнаруживается как попытки экспорта толерантности. В настоящее время экспорт толерантности становится символом современного сообщества. Толерантность — знак обсуждаемый, но это знак, привезенный извне, это знак предела европейского сообщества, и недаром Америка (как край европейского сообщества) становится местом экспорта толерантности как принципа и как идеи возможности ее обсуждения. Но одними средствами экспорта толерантности таких целей, как ее учреждение или ее сущностное обсуждение, не достичь — это только часть движения. Экспорт толерантности должен быть дополнен ее импортом, чтобы создать двусторонний вектор бытия толерантности. Толерантность должна быть рассеяна, чтобы начать существовать, рассеяна таким образом, чтобы различные сообщества имели возможность осуществления собственной толерантности. В таком рассеянии, возможно, исчезнет или переопределит

свое значение и сам знак «толерантность», в пределе для некоторого сообщества он вообще может совпасть со знаком «война». Таким образом, для толерантности, в качестве возможного и необходимого способа ее существования, основанием является такая ситуация, когда ее знаком может оказаться любое слово или когда, наоборот, для нее нет слов. Рассеяние толерантности должно привести к обнаружению предела в каждой сингулярности.

А. В. Шуталева
Екатеринбург

АНАЛИТИКА ВЛАСТИ М. ФУКО: ПРОБЛЕМА ТОЛЕРАНТНОСТИ

В своих работах М. Фуко показывает, что Власть пронизывает все «клеточки» социальной реальности, именно она ставит вопросы и оформляет дискурсы болезни, смерти, сумасшествия, наказания, сексуальности, обретая доступ не только к телу индивида, но к его «душе», *оформляя саму плоть человека*, оставляя на нем свои метки, тем самым отводя определенное место в социуме каждому человеку. Это дает возможность осуществления дискурса «знания-власти» в познании тела, *особого знания тела, особой технологии захвата*, через которую Власть порождает Реальность — *Реальность, подчиненную логике Нормы-Желания*, проявляющуюся прежде всего через *Язык*, через оформление особых *дискурсивных практик* не только говорения, но и самого *тела*. Поэтому социальное пространство рассматривается прежде всего как результат реализации властных стратегий, кодификации визуальных и вербальных практик, механизмов обозначения социального бессознательного.

М. Фуко под словом «Власть» понимает прежде всего *множественность отношений силы*, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конституированы для ее организации, *стратегии*, внутри которых эти